

Научная статья
УДК 811
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/23-31>

Невербальная семиотика в нарративе аккультурации (на материале русско-американской прозы)

Евгения Михайловна БУТЕНИНА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, butenina.em@dvfu.ru

Аннотация. Изучение невербальной семиотики в иммигрантской литературе может выявить нарратив аккультурации, или историю адаптации к новой культуре, что в данной статье показано на материале прозы современной русско-американской писательницы Лары Вапняр. Особое значение для семиотического анализа имеют сарториальный язык (семиотика одежды и аксессуаров) и проксеминое поведение (освоение пространства, что включает кинеснику и сенсорнику). Исследование опирается на классические труды Эдварда Т. Холла, а также на работы современных авторов Кейт Фокс и Г.Е. Крейдлина.

Ключевые слова: невербальная семиотика, аккультурация, культурный шок, проксеминое поведение, сарториальный язык, русско-американская литература

Для цитирования: Бутенина Е.М. Невербальная семиотика в нарративе аккультурации (на материале русско-американской прозы) // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 23–31. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/23-31>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/23-31>

Nonverbal Semiotics in Acculturation Narratives (Case of Russian American Fiction)

Evgenia M. BUTENINA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, butenina.em@dvfu.ru

Abstract. The paper shows that a close study of nonverbal semiotics in immigrant fiction can reveal a narrative of acculturation and demonstrates such analysis in the prose of contemporary Russian-American author Lara Vapnyar. The aspects of sartorial language (semiotics of clothing style) and proxemic behaviour (use of space that includes kinesics and sensorics) turn out to be of particular importance for such analysis. The research relies on Edward T. Hall's classical works as well as on the studies by contemporary scholars Kate Fox and Grigory Kreydlin. To reveal the process of adaptation to a new culture, the paper correlates four stages of acculturation (tourist, survivor, immigrant, and citizen) with the four phases of culture shock (honeymoon, proper, initial adaptation / recovery, and integration / adjustment). The first phase of culture shock implies a positive 'honeymoon' reaction of a brief tourist sojourn in a new culture, the second phase is a negative reaction to the necessity to survive and adjust to a foreign reality; the third phase involves an individual with certain rights and experience (a recovering immigrant), and the last phases introduces an integrated citizen.

Keywords: nonverbal semiotics, proxemic behaviour, sartorial language, Russian American Fiction

For citation: Butenina E.M. Nonverbal Semiotics in Acculturation Narratives (Case of Russian American Fiction) // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 60–31. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/23-31>

Введение

Невербальная коммуникация была признана важной областью межкультурных исследований после публикации новаторской работы Рэя Л. Бердвистела "Введение в кинеснику" в 1952 г., а также после уже ставших классическими книг Эдварда Т. Холла "Безмолвный язык" (1959) и "Скрытое измерение" (1966). Бердвистел утверждал, что человеческие жесты многозначны и зависят от контекста, а все движения тела должны интерпретироваться в связи с другими элементами коммуникации [6]. Холл исследовал концепции пространства и времени как основные каналы восприятия окружающей среды и передачи сообщений [10; 11]. В 1970-е годы Джулиус Фаст и Алан Пиз продемонстрировали силу кинесики (жесты, позы и другие движения) в ставших бестселлерами исследованиях, которые оба, независимо друг от друга, лаконично назвали "Язык тела" [8; 16].

В 1990-е годы Ром Харре, Хорст Рутроф, Кристин Харди [12; 13; 17] и другие исследователи развивали теорию телесной семиотики и психологии, в которой утверждалось, что человеческое тело может передавать как вербальную, так и невербальную информацию, и последняя отражает основу мировоззрения. Современные исследователи продолжают изучать потенциал невербальной семиотики. В частности, английский антрополог Кейт Фокс подчеркивает важность сарториального языка (семиотики одежды и аксессуаров), а российский лингвист Г.Е. Крейдлин делает акцент на проксеменном поведении, то есть отношении людей к коммуникативному пространству, что включает кинесику и сенсорику.

В данной статье утверждается, что тщательное изучение невербальной семиотики в иммигрантской литературе может выявить процесс аккультурации и адаптации к культурному шоку. На сегодняшний день исследователи выделяют четыре стадии аккультурации (привыкания к новой культуре): турист, выживший, иммигрант и гражданин. Первый этап предполагает поверхностное знание культуры, которая остаётся недоступной; второй этап может стать пороговым, поскольку человек начинает использовать новый язык и осваивать новые культурные модели. Третий этап предполагает правильное использование языка и все большее приближение к новым культурным моделям, а на последнем этапе человек может достичь полного овладения новым языком и культурой [4].

Поскольку большинство современных исследователей сходятся во мнении о наличии четырех фаз культурного шока ("медовый месяц", собственно культурный шок, начальная адаптация/восстановление и интеграция [15]), можно провести параллели между этими фазами и этапами аккультурации. Первая фаза предполагает положительную реакцию кратковременного пребывания туриста в новой культуре, вторая фаза – отрицательную реакцию на необходимость выживания и приспособления к чужой действительности; на третьем этапе человек обретает определенный опыт и права ("выздоровливающий" иммигрант), а на последних этапах формируется интегрированный гражданин.

Кроме того, к важным понятиям для анализа в данной работе относятся этноцентризм, в котором традиционно выделяются стадии отрицания культурных различий, защиты от различий и минимизации различий, и этнорелятивизм, включающий стадии принятия различий, адаптации к ним и, наконец, интеграции в новую культуру [5].

На этом теоретическом материале в статье рассматривается проза Лары Вапняр, для которой вопрос адаптации к новой культуре остается актуальным, в то время как некоторые другие современные русско-американские авторы предпочитают затрагивать иные темы (например, в романах ровесницы Вапняр Ольги Грушиной, также родившейся в Москве в 1971 году и иммигрировавшей в США в 1990-х, действие происходит в советской России) [2]. На данный момент Лара Вапняр опубликовала несколько книг на английском языке. В статье рассматривается рассказ "Разговоры на автобусной остановке", опубликованный в "Нью-Йорк таймс" (2004), сборник "Брокколи и другие рассказы о еде и любви" (2008), а также романы "Воспоминания музыки" (2006) и "Все еще здесь" (2016) и демонстрируется, как люди разного этнического происхождения взаимодействуют с помощью языка одежды и проксеменного поведения и как эти невербальные знаки соотносятся со стадиями аккультурации и фазами культурного шока.

Сарториальный язык в иммигрантском нарративе

Как отмечает Кейт Фокс в книге "Наблюдение за англичанами: скрытые правила английского поведения", люди делают "модные социальные заявления, нравятся им это или нет. (Кроме того, претензия на то, чтобы быть выше такой мелочи, как одежда, есть само по себе общественно значимое заявление, обычно довольно громкое)" [9, с. 267]. Лара Вапняр начинает свой рассказ о том, как американские родители провожают детей в школу, описанием женщин, которые "плетутся к автобусной остановке в своих кожаных куртках поверх огромных футболок и пиджамных или спортивных штанов" [21]. Кожаные куртки – недешёвые предметы одежды, которые могут отражать, например, принадлежность к субкультуре бай-

керов. Но в причудливом сочетании с пижамными или спортивными штанами они словно сигнализируют о локальной микрокультуре родителей школьников. С одной стороны, их небрежный стиль мог быть изначально задуман как заявление о независимости, но, когда несколько людей следуют одному и тому же шаблону, независимый стиль становится своей противоположностью, своего рода униформой. Интересно, что эта "униформа" не учитывает гендерные различия: единственный отец на остановке также одет в кожаную куртку и спортивные штаны.

Любой человек, одетый по-другому, делает довольно громкое сарториальное заявление. Например, на "60-летней женщине, самопровозглашенном лидере русской группы", зеленое кожаное пальто-свингер. Хотя материал пальто кажется сигналом принадлежности к "родительской" микрокультуре, оно составляет три контраста с одеждой ее членов: имеет параметр **формы** колокола в отличие от не обозначенного фасона курток, параметр **цвета** со сложной семантикой в отличие от неназванных цветов курток и параметр **длины**, то есть закрывает все тело, и что бы человек ни надел под ним, это остается скрытым от посторонних глаз. Поскольку действие рассказа происходит в начале 2000-х, вероятно, что это пальто женщина привезла с собой из России, где была мода на подобные фасоны в 1990-х. Поэтому этот невербальный знак, скорее всего, отражает нахождение иммигрантки в фазе собственно культурного шока, стадии "выживший" и служит ей защитой от инокультурных различий.

Примечательно, что у русской женщины, решившей однажды "сделать шаг в сторону англоговорящих", нет кожаной куртки, о ней лишь сказано, что она носит чёрный берет и джинсы – вещи, которые в русской культуре обычно ассоциируются с независимым образом жизни (при анализе этого рассказа на занятиях по межкультурной коммуникации многие студенты соотносили чёрный берет с парижскими художниками). Этот шаг за пределы своей группы навстречу чужой сигнализирует о попытке преодолеть непреклонный этноцентризм, практикуемый бывшими соотечественницами женщины. Её тут же упрекают в этом шаге и приводят в пример китайцев, которые "всегда вместе, и ни один из них никогда не пытался перейти улицу". Смутившись, женщина в чёрном берете возвращается в свою группу и "изображает неподдельный интерес к жизни героев мильной оперы" [21], то есть блокирует собственный переход на стадию начальной адаптации, несмотря на сарториальный индикатор готовности к ней.

Выбор предметов одежды как попытка создать новую идентичность так же важен в романе Вапняр "Всё еще здесь" (2016). В этом романе несколько иммигрантов из России стремятся добиться успеха в Нью-Йорке и надеются, что им поможет правильная одежда. Но решить, что же является правильным, очень непросто. Например, молодой программист Вадим приезжает в город в твидовом пиджаке и планирует сразу пойти в бар с какой-нибудь "до тошноты претенциозной" французской книжкой в руках: "Он хотел показаться харизматичным твидовым интеллектуалом, но ещё важнее ему было выглядеть таковым в собственных глазах" [20, с. 34]. Вскоре Вадим перестает носить этот пиджак, но годы спустя находит похожий и пытается произвести впечатление на американку, которую встретил и потерял в первый же день иммиграции. Женщина действительно помнит его "нелепый профессорский пиджак". Вероятно, герой и привлек её "эротическим очарованием русскости", по ироническому выражению слависта Адриана Ваннера [23]. В этом эпизоде иммигрант осознает нарочитую и потому искусственную "американскость" предмета одежды и отказывается от него, чтобы перейти из стадии выживания в новой культуре к стадии адаптации.

Другая иммигрантка, бывшая подруга Вадима Виктория, чувствует себя униженной, поскольку является единственной белой сотрудницей – специалистом УЗИ в онкологическом центре (все остальные белые сотрудники занимают более высокие должности). Она даже подозревает, что именно поэтому её выбирают работником года: компания хочет подчеркнуть отсутствие этнических стереотипов в своей кадровой политике. Когда начальница приглашает Викторию и ещё нескольких подчиненных в свой богатый дом, та решает, что это её шанс подняться

по социальной лестнице. Она надевает облегающую майку с глубоким вырезом, джинсовую мини-юбку, розовые босоножки на высоком каблуке и соломенную шляпу с широкой розовой лентой. По её мнению, этот "наряд в сочетании с корзинкой клубники был воплощением пейзажного шика" [20, с. 154]. Однако наряд оказывается полной противоположностью шику, потому что на всех остальных, включая хозяйку, светлые шорты, свободные белые футболки и бейсболки, и коледи с трудом скрывают усмешки, глядя на Викторину, похожую на куклу Барби.

Героиня так и не усвоила урок американского стиля, и ее сарториальные ошибки не дают ей преодолеть фазу собственно культурного шока и стадию выживания. Так, пытаясь устроить сыну поступление в престижную школу, она надевает "дутую куртку цвета фуксии", в то время как на всех стильных матерях "типажа Сьюзен Зонтаг" (известная американская писательница-феминистка) элегантная одежда приглушенных цветов [20, с. 152–153]. Помимо цветовой безграмотности, Виктория не может понять, что американцы всегда предпочтут ложной красоте удобство. В то время как она готова страдать в облегающем топе, обтягивающей юбке и на высоких каблуках в жаркий летний день, женщина, которую она случайно видит с бывшим мужем, одета в леггинсы и угли, и Виктория сразу идентифицирует её как американку, потому что ей очень "комфортно в собственной коже и своих безобразных угах" [16, с. 192].

Это ощущение комфорта в собственной коже труднодостижимо для иммигрантов, не привыкших к уважению индивидуальности в своих родных странах, поэтому их истории выживания, рассказанные с помощью знаков одежды, так драматичны. Первый роман Вапняр, "Воспоминания музы", показывает, как чуткий человек с художественным видением может расшифровать непростую историю другого человека, обратив внимание на непривлекательный предмет одежды. В этом романе молодая женщина Татьяна приезжает в Нью-Йорк, где несколько лет назад поселились её родственники. Ей сразу же советуют выбросить всю свою русскую одежду, так как ничто не может "выдать и унижить" сильнее [19, с. 76]. Однако она решает взбунтоваться и продолжает носить свое "большое, громоздкое, коричневое, в ёлочку" пальто, которому её двоюродный брат "вынес смертный приговор" [19, с. 83].

Однажды в лифте дорогого многоквартирного дома, в котором Татьяна жила в качестве любовницы мужчины гораздо старше себя, она замечает взгляд пожилой женщины "в мужских брюках, вязаной шапке, надвинутой на глаза, и потертом, бесформенном длинном пальто", похожем на её собственное [19, с. 134]. Впервые после многих унижительных ощущений, включая снисходительное отношение любовника, молодая иммигрантка почувствовала, что этот взгляд был пристальным, но уважительным, добрым и тёплым. Спустя годы, выйдя замуж за другого мужчину и устроившись в американской жизни, Татьяна посещает небольшую художественную галерею и видит картину под названием "Девушка в лифте". В потрясении она узнает узор ёлочкой и торчащие нити своего старого пальто и понимает, что "другого такого пальто в Нью-Йорке быть не может" [19, с. 210]. Она осознает также, что художница Вера Мелич – это пожилая женщина, наблюдавшая за ней в лифте. Их похожие пальто символизируют сходство иммигрантских испытаний, которые художница сразу смогла прочесть и воплотить в картину. Приведенные примеры показывают, что одежда оказывается мощным каналом трансляции историй о болезненном приспособлении к новой культуре и идентичности.

Проксемное поведение в иммигрантском нарративе

Проксемное поведение включает практически все каналы невербальной коммуникации: дистанцию, кинеснику (жесты и позы тела), окулеснику, гаптику (осязание) и ольфакторику (обоняние) [3, с. 461–466]. В упомянутом выше рассказе "Разговор на остановке" все эти каналы участвуют в межнациональном невербальном "разговоре". В начале истории три группы матерей занимают свои самоназначенные локации на автобусной остановке, и расстояния между ними весьма красноречивы. Англоязычные мамы собрались "на восьмифутовой площадке" (7–12 футов, или примерно 2–3,5 м, – это дальняя фаза социальной дистанции по Эд-

варду Холлу [10, с. 122]), русскоязычные мамы "стоят в нескольких футах" от них (возможно, это еще социальная дистанция), но "говорящие на китайском языке собираются через дорогу от всех остальных" (публичная дистанция по Холлу, более 12 футов [10, с. 125]). В этой ситуации китайские иммигранты устанавливают максимально возможную дистанцию и поддерживают ее, а русские занимают промежуточное положение, что оставляет возможность для более тесного контакта с американцами.

Контакт происходит, когда недавняя русская иммигрантка, изначально не знавшая своего места (и одиноко стоявшая "в узком пространстве, разделяющем российскую и американскую территории"), делает "смелый шаг и присоединяется к группе большинства, к американцам" [21]. В группу большинства входят также англоговорящие иммигранты итальянского, ирландского и еврейского происхождения, но русские и китайцы называют их "американцами". Этот символический шаг является первой стадией этнического релятивизма: принятием различий, за которым следует адаптация к различиям и их интеграция [5].

Взаимодействие между группами американцев, китайцев и русских носило сенсорный характер: в то время как "завсегдатаи в каждой группе <...> обмениваются вежливыми, но отстраненными кивками или улыбками с двумя другими лагерями", они также общаются через обонятельный канал, поскольку "от них пахнет сигаретами, подгоревшими тостами и арахисовым маслом" [21]. Эти домашние запахи, однако, не сближают людей, как это иногда случается в "алиментарном" сборнике Вапняр "Брокколи и другие рассказы о еде и любви", где каждая история посвящена определённому овощу или русскому блюду (борщу, котлетам, салату оливье).

Первые два рассказа противопоставляют сенсорные переживания, которые могут оживить человека или, напротив, лишить какого-либо удовольствия от жизни. Недавняя жительница Нью-Йорка Нина любит покупать овощи, хотя у неё нет времени их готовить. В её восприятии особенно сильно переплетаются вербальные и невербальные сигналы. Когда она видит слово *Sunripe* ("солнечно-спелые") на коробке с помидорами, то вспоминает "запах плодородной почвы, нагретой солнцем" на небольшом огороде её семьи и вид "бледно-зеленых ветвей, провисших под тяжелыми помидорами". Поэтому ей хочется потрогать эти американские овощи в надежде, что "их поверхность все еще будет немного теплой от солнца, которое светило на них, пока они созревали" [18, с. 5]. Муж не понимает её стремления, и ему просто противны забытые овощи в холодильнике. Вскоре он уходит от Нины, и после некоторого периода депрессии у неё случается свидание с мужчиной, который готовит для неё брокколи и заставляет встать на стул, чтобы лучше вдыхать насыщенный аромат. Он также считает, что брокколи "пахла молодой весенней травой и была похожа на дерево с твердым стволом и пышной кроной из плотных зернистых соцветий, словно недавно распутившиеся листья" [18, с. 7]. Примечательно, что этот именно жизнеутверждающий овощ дает заглавие сборнику "историй о еде и любви" и открывает его.

Второй рассказ сборника, "Борщ", начинается с описания сенсорного испытания, которое предстоит пройти главному герою на работе по укладке ковров: когда он закрывает глаза, то видит, обоняет и даже осязает их, "пахнувших пылью, блестящих своими синтетическими нитями и мертвых на ощупь" [18, с. 25]. Названия цветов также были лишь претензиями на натуральность: например, "Персик Джорджи" "на самом деле был бледно-коричневым с розоватым оттенком, мягким и сухим" [там же]. Мужчина, приехавший в Нью-Йорк, чтобы заработать денег на лучшую жизнь в России со своей семьей, и не позволяющий себе никаких удовольствий, в конце концов настолько измучен, что решает посетить женщину, которая рекламирует свои услуги как "доступные". Сексуальный контакт вызывает у него отторжение, но женщина помогает ему почувствовать себя лучше, когда предлагает свежесваренный борщ, настоящий праздник для всех органов чувств: "Все оттенки красного гармонируют с блеклым пурпуром свёклы, насыщенным

оранжевым цветом жирных колец, белым цветом сметаны в середине и темно-зеленой веточкой петрушки" [18, с. 48].

Сборник заканчивается рассказом о шпинате, который героиня вынуждена есть на свиданиях, поскольку её спутник, не спрашивая, постоянно заказывает его для них обоих. В конце концов женщина выдумывает любовника, который якобы остался в её родной стране (на этот раз не в России, а в Чехии), и описывает его пристрастие к овощам. Он якобы предпочитает овощи, сохраняющие яркость цвета при варке: морковь, перец, кабачки, спаржу, чтобы его "тарелка была похожа на палитру художника". Сказав это, героиня понимает, что "именно этого она хотела: тарелку, похожую на палитру художника, усыпанную разноцветными хрустящими кусочками, сбрызнутыми чесноком и лимонным соком, блестящими от масла" [18, с. 132]. Обилие взрывных звуков "п", "к", "г" и "б" в описании этих овощей в оригинале ("a plate that looked like a painter's palette, heaped with colorful, crunchy chunks sprinkled with garlic and lemon juice, glistening with butter") сигнализирует о скором окончании её безвкусных и бессмысленных отношений, которым недостает энергетики: выдуманный любовник "едет" ей на помощь. Лара Вапняр заканчивает свою книгу "коллекцией рецептов", как бы призывая всех, и особенно людей, адаптирующихся к новой культуре, привнести любовь в свою жизнь с помощью разнообразных вкусовых ощущений.

В романе "Воспоминания музы" Вапняр показывает, как изменение отношения к еде может рассказать историю иммигранта. Когда уже упоминавшаяся героиня Татьяна получает письмо от иммиграционной службы США, её первая мысль – о возможности пить кофе столько, сколько хочется. Вскоре после иммиграции она случайно оказывается в книжном магазине, знакомится с "бородатым писателем", вспоминает о детской мечте подражать Аполлинии Сусловой и стать музыкой писателя, достойного сравнения с Достоевским. По иронии судьбы, американский автор полагает, что на неё производит впечатление отрывок из его романа, поскольку он замечает отсутствующий взгляд и слёзы, а героиня просто не понимает "приятных иностранных звуков" и слушает их, как музыку [19, с. 92]. У обоих персонажей были свои фантазии: американский писатель тоже мечтал об Аполлинии, а встретил женщину, подобную жене Достоевского Анне Григорьевне, которая, по его мнению, была лишь простой, непривлекательной и всегда готовой услужить.

Поэтому он предлагает Татьяне поселиться в своей уютной квартире и пытается научить её быть послушной спутницей жизни. Один из первых уроков посвящен кофе, о котором она мечтала как о воплощении Америки. Бородатый писатель знакомит её с капучино (и с удивлением узнает, что она никогда раньше не видела капучино), затем с турецким и вьетнамским кофе и наконец с "волшебным" кофе, который готовит сам. Татьяна так хочет скорее сделать ему комплимент, что обжигает язык. Довольно скоро женщина понимает, что его "самодовольство и особенно убежденность в том, что люди рады ему служить" отталкивают её [19, с. 185]. Самое неприятное – наблюдать эту убежденность в обращении с ней, особенно когда он хвалит её успехи в варке кофе и даже снисходительно замечает, что "речь идет о настоящем таланте" [19, с. 186]. Эта реплика, обращенная к молодой женщине, которая мечтает стать историком и пытается рассказать об этом, но на неё не обращают внимания, демонстрирует полное отсутствие уважения и интереса к ней как к личности. Неудивительно, что Татьяна начинает свое ретроспективное повествование с признания, что через некоторое время после переезда в Соединенные Штаты разлюбила кофе [19, с. 56].

В "Воспоминаниях музы" Лара Вапняр находит довольно точные описания алиментарно-семиотических значений. Когда Татьяна впервые приезжает в США и семья дяди собирается, чтобы поприветствовать её, она описывает их еду как "острую, тяжелую, громкую" и добавляет, что каждый кусок сопровождался советами обязательно попробовать, потому что она никогда такого не ела [19, с. 73]. Помимо этих замечаний, семья щедро "кормит" новоприбывшую советами по поводу её новой жизни, так что трапеза напоминает неловкую церемонию инициации, и после неё героиня мучается, как после пищевого отравления. И амери-

канская еда – немалое испытание: даже сэндвич "казался настолько высоким и сложным", что она и не пыталась его съесть [19, с. 94]. При этом некоторое время героиня чувствовала себя польщенной тем, что "бородатый писатель" выбрал её и она удовлетворила его придиричивый вкус.

Однако шансов, что она сможет вписаться в его жизнь, нет, и вечеринки его друзей ясно показывают это. Аккуратные закуски, подаваемые "в элегантно недружелюбном стиле под аккомпанемент сбивающего с толку столового серебра" [19, с. 155] полностью исключают некомпетентного чужака. Все эти сигналы в конечном итоге накапливаются и помогают женщине-иммигрантке сделать правильный выбор: оставить чужого человека и начать собственную жизнь. Только после этого её сенсорные переживания становятся приятными: она чувствует "соблазнительный запах" кафе и "учится заново смаковать город" [19, с. 209]. Так начинается настоящая адаптация к новой культуре.

Заключение

В статье показано, как комплексный семиотический анализ невербального поведения в иммигрантской художественной прозе может выявить различные стадии аккультурации, соответствующие фазам культурного шока. Большинство людей, которых описывает Лара Вапняр, прошли туристско-медовый месяц и редко выражают восхищение новой культурой. Они скорее находятся в стадии собственно культурного шока и выживания, поэтому им необходимо опираться на привычные вещи, особенно в одежде и продуктах питания, чтобы ориентироваться в чужой среде (образно говоря, занимая "узкое пространство между территориями", а также "стоя через улицу и даже не пытаясь подойти"). Некоторые из героев находятся на переходном этапе или в стадии начальной адаптации иммигрантов, но никто не достиг фазы интеграции, чтобы вести себя как американцы, которые сохраняют дружелюбную социальную дистанцию и легко общаются даже с незнакомцами.

Проведенный анализ показывает, что иммигрантская художественная литература может верифицировать теорию межкультурной коммуникации, как можно убедиться и на примере прозы другого русско-американского автора, Василия Аксёнова. В своей автобиографической книге "В поисках меланхолического бэби" Аксёнов описывает все четыре стадии аккультурации и культурного шока в кратком отрывке (скорее всего, писатель не знал этих понятий, но испытал их на себе). Сначала он упоминает "светлые окна нового дома" (фаза "турист", стадия "медового месяца"), затем то, что его когда-то раздражало: "слабый кофе, запах попкорна в кинотеатрах" (фаза "выживший", стадия собственно культурного шока). После этого писатель говорит, что уже привык ставить месяц перед числом, восклицать "ауч" вместо "ой", пожимать правой рукой что-то дорогое (фаза "иммигрант", начальная стадия адаптации), но называет себя "почти американцем" и опасается, не вышвырнуть ли его и из этой страны [1, с. 302]. Аксёнов, как и персонажи Вапняр, не достиг стадии интеграции и самоощущения гражданина, когда писал свою книгу в 1987 году, после семи лет иммиграции. Даже в этом коротком отрывке немало сенсорных и кинетических отсылок, что позволяет сделать вывод о продуктивности невербального подхода в обсуждении вопросов аккультурации.

Особый потенциал для этого подхода – в контактных литературах, созданных на неродных языках [14] и в современной науке получивших также название транслингвальных [22]. Эти литературы создают особое пространство интенсивного межкультурного взаимодействия. Транслингвальная художественная литература стала наиболее актуальной в постколониальном мире, где иммигранты из Азии, Африки, Восточной Европы покидают родные страны и адаптируются к новым культурам.

Литература

1. Аксёнов В.П. В поисках грустного беби. М.: Конец века, 1992. 476 с.
2. Бутенина Е. М. Набоковский код в русско-американском романе Ольги Грушиной // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5(11). С. 189–193.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
4. Acton W.R., Walker de Felix J. Acculturation and mind // Culture Bound. Cambridge University Press. 1994. P. 20–32.
5. Bennet J.M. Towards ethnorelativism: a developmental model of intercultural sensitivity // Education for the Intercultural Experience. Yarmouth: Intercultural Press, 1993. P. 21–71.
6. Birdwhistell R.L. Introduction to kinesics: an annotation system for analysis of body motion and gesture. Ann Arbor: University of Michigan Library, 1952. 88 p.
7. Birdwhistell R.L. Kinesics and context: essays on body motion communication. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. 352 p.
8. Fast J. Body language. New York: Pocket Books, 1970. 184 p.
9. Fox K. Watching the English: The hidden rules of English behaviour. London: Hodder Education, 2004. 584 p.
10. Hall E.T. The hidden dimension. New York: Anchor Books, 1966. 240 p.
11. Hall E.T. The silent language. New York: Anchor Books, 1959. 217 p.
12. Hardy C. Networks of meaning: a bridge between mind and matter. Westport, London: Praeger, 1998. 232 p.
13. Harré R. Physical being: a theory for a corporeal psychology. Oxford, Boston: Blackwell Publishers, 1994. 280 p.
14. Kachru B.B. The bilingual's creativity and contact literatures // The alchemy of English: the spread, functions, and models of non-native Englishes. Oxford: Pergamon Press. 1986. P. 159–173.
15. Marx E. Breaking through culture shock: what you need to succeed in international business. Paris: Hachette, 2011. 228 p.
16. Pease A. Body language. Wellington: Sheldon Press, 1981. 237 p.
17. Ruthrof H. Semantics and the body: meaning from Frege to the postmodern. Toronto: University of Toronto Press, 1997. 338 p.
18. Vapnyar L. Broccoli and other tales of food and love. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2008. 148 p.
19. Vapnyar L. Memoirs of a muse. New York: Vintage International, 2007. 212 p.
20. Vapnyar L. Still here. New York: Random House Publishing Group, 2016. 336 p.
21. Vapnyar L. The talk of the bus stop // The New York Times. 2004. Jan. 25. URL: <https://www.nytimes.com/2004/01/25/nyregion/new-york-observed-the-talk-of-the-bus-stop.html> (дата обращения: 15.07.2022).
22. Wanner A. Out of Russia: Fictions of a new translingual diaspora. Evanston: Northwestern University Press, 2011. 264 p.
23. Wanner A. The erotic charm of Russianness: Lara Vapnyar's Memoirs of a muse and Irina Reyn's What happened to Anna K. // American Association of Teachers of Slavic and East European Languages Conference. URL: http://www.aatseel.org/100111/pdf/abstracts/abstract_2009_16_3.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

References

1. Aksjonov V.P. In Search of Melancholy Baby. Moscow: Konec veka, 1992. 476 p. (In Russ.)
2. Butenina E. M. Nabokovian code in Olga Grushin's Russian American novel // Perm University Herald. Russian and International Philology. 2010. № 5(11). P. 189–193. (In Russ.)
3. Krejdlin G.E. Nonverbal semiotics. Body language and natural language. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 592 p. (In Russ.)
4. Acton W.R., Walker de Felix J. Acculturation and mind // Culture Bound. Cambridge University Press. 1994. P. 20–32.
5. Bennet J.M. Towards ethnorelativism: a developmental model of intercultural sensitivity // Education for the Intercultural Experience. Yarmouth: Intercultural Press, 1993. P. 21–71.
6. Birdwhistell R.L. Introduction to kinesics: an annotation system for analysis of body motion and gesture. Ann Arbor: University of Michigan Library, 1952. 88 p.
7. Birdwhistell R.L. Kinesics and context: essays on body motion communication. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. 352 p.
8. Fast J. Body language. New York: Pocket Books, 1970. 184 p.
9. Fox K. Watching the English: The hidden rules of English behaviour. London: Hodder Education, 2004. 584 p.
10. Hall E.T. The hidden dimension. New York: Anchor Books, 1966. 240 p.
11. Hall E.T. The silent language. New York: Anchor Books, 1959. 217 p.

12. Hardy C. *Networks of meaning: a bridge between mind and matter*. Westport, London: Praeger, 1998. 232 p.
13. Harré R. *Physical being: a theory for a corporeal psychology*. Oxford, Boston: Blackwell Publishers, 1994. 280 p.
14. Kachru B.B. *The bilingual's creativity and contact literatures // The alchemy of English: the spread, functions, and models of non-native Englishes*. Oxford: Pergamon Press. 1986. P. 159–173.
15. Marx E. *Breaking through culture shock: what you need to succeed in international business*. Paris: Hachette, 2011. 228 p.
16. Pease A. *Body language*. Wellington: Sheldon Press, 1981. 237 p.
17. Ruthrof H. *Semantics and the body: meaning from Frege to the postmodern*. Toronto: University of Toronto Press, 1997. 338 p.
18. Vapnyar L. *Broccoli and other tales of food and love*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2008. 148 p.
19. Vapnyar L. *Memoirs of a muse*. New York: Vintage International, 2007. 212 p.
20. Vapnyar L. *Still here*. New York: Random House Publishing Group, 2016. 336 p.
21. Vapnyar L. *The talk of the bus stop // The New York Times*. 2004. Jan. 25. URL: <https://www.nytimes.com/2004/01/25/nyregion/new-york-observed-the-talk-of-the-bus-stop.html> (дата обращения: 15.07.2022).
22. Wanner A. *Out of Russia: Fictions of a new translingual diaspora*. Evanston: Northwestern University Press, 2011. 264 p.
23. Wanner A. *The erotic charm of Russianness: Lara Vapnyar's Memoirs of a muse and Irina Reyn's What happened to Anna K. // American Association of Teachers of Slavic and East European Languages Conference*. URL: http://www.aatseel.org/100111/pdf/abstracts/abstract_2009_16_3.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

Евгения Михайловна БУТЕНИНА, д-р. филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: butenina.em@dvvu.ru
Evgenia M. BUTENINA, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: butenina.em@dvvu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 26.07.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 19.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2022